

Куда уходит прошлое: история термина «вредительство»

Яна Е. Каневская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, miss.kanevskaya@yandex.ru,*

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается история термина «вредительство». Исследование позволяет описать и анализировать политические события, с которыми он соотносится. Авторам удастся проследить функции термина «вредительство» в разное историческое время, а также установить связь между функциями термина и политическими задачами советского руководства.

Ключевые слова: термин «вредительство», термин «вредитель», идеология, политическая терминология

Для цитирования: Каневская Я.Е., Фельдман Д.М. Куда уходит прошлое: история термина «вредительство» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 7. С. 114–140. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-114-140

Where the past goes. The history of the term “wrecking”

Yana E. Kanevskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, miss.kanevskaya@yandex.ru*

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article considers the history of the term “wrecking.” The study allows describing and analyzing political events which the chosen terms correlate with. The authors manage to trace the functions of the term

“wrecking” at different historical times, as well as to establish a connection between the function of the term and the political tasks of the leadership.

Keywords: term “wrecking”, term “wrecker”, ideologem, political terminology

For citation: Kanevskaya, Ya.E. and Feldman, D.M. (2021), “Where the past goes. The history of the term ‘wrecking’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 114–140, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-7-114-140

Мнимость и официальность

Как известно, в советской и постсоветской историографии термин «вредительство» окрашен негативно. Однако прагматика его употребления разная.

В советской историографии термин «вредительство» – своего рода символ коварства, предательства. Он подразумевал целенаправленное, свойственное врагам именно внутренним, готовым любыми средствами нанести ущерб промышленности, транспорту и прочим институтам социалистического государства¹.

Иные коннотации – в постсоветской историографии. С необходимостью подразумевается: обвинение во «вредительстве» было заведомо ложным, фальсифицированным. Что и эмблематизирует ныне официальная юридическая оценка так называемых вредительских судебных процессов [Кислицын 1993].

Первым считается «Шахтинское дело». В мае–июле 1928 г. группу инженеров и техников предприятий Донецкого угольного бассейна судили как организаторов и участников преступного сообщества, провоцировавшего аварии на предприятиях с целью возвращения шахт досоветским владельцам – после ликвидации советского режима. Подсудимых именовали «вредителями», а деятельность, что им была инкриминирована, получила вышеупомянутую терминологическую характеристику, популяризованную благодаря газетным отчетам о судебных заседаниях [Кислицын 1993].

Не менее важным стал второй показательный судебный процесс – «Дело Промпартии». В ноябре–декабре 1930 г. судили группу инженеров, которым инкриминировалось создание и участие

¹ См., напр.: История Всесоюзной коммунистической партии (большеви́ков). Краткий курс. М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1946. 352 с.; Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М.: Госполитиздат, 1960. С. 152–161.

в преступных сообществах, пытавшихся дезорганизовать промышленность и транспорт для подготовки интервенции с последующей ликвидацией советского режима. Инкриминированную подсудимым деятельность тоже характеризовали как «вредительство», а их самих именовали «вредителями»².

Московские судебные процессы стали, разумеется, образцовыми. Аналогичные были организованы по всей стране, отчеты печатались газетами, так что терминологическая характеристика деятельности, инкриминированной подсудимым, оказалась – буквально – у всех на слуху [Евдошенко 2013, с. 331–389].

Однако примечательно, что у нее тогда не было юридического статуса. Не содержал термина «вредительство» действовавший Уголовный кодекс РСФСР – в редакции 1926 г. Его статьи воспроизводились и аналогичными документами республиканского уровня³.

Подсудимые были признаны виновными в совершении преступлений, что предусматривалось пунктом 7 статьи 58 УК РСФСР. В ее формулировке указаны и методы, и цели: «Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта...».

Квалификация инкриминируемых действий зависела от целеполагания обвиняемых. Оно устанавливалось в ходе следствия.

В том же пункте 7 статьи 58 оговорено, какими соображениями надлежало руководствоваться суду в случае, когда было выяснено, что подсудимый не ставил вышеупомянутые цели «подрыва и разрушения». Предусматривалась ответственность за действия, «выразившиеся в сознательном неисполнении возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежном их исполнении или осложнении той же деятельности излишней канцелярской волокитой и т. д. (саботаж)».

Абстрагированная характеристика тоже приводилась в пункте 7 статьи 58. Она была краткой: «экономическая контрреволюция».

Термин «вредительство» – явно эмоциональная характеристика. Она не понадобилась юристам, подготовившим УК РСФСР в редакции 1926 г.

² Процесс членов ЦК контрреволюционной организации «Промышленная партия» // Известия. 1930. 1 дек.

³ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие УК РСФСР редакции 1926 г.» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: <http://www.libussr.ru/infdoc2.htm> (дата обращения 26 июля 2021).

Изначально такая характеристика использовалась сотрудниками Объединенного государственного политического управления, готовившими следственные материалы для показательных московских процессов, и была уже включена в партийный тезаурус. Своего рода «обкатка» завершилась в апреле 1928 г. на пленуме Центрального комитета партии, где речь шла, кроме прочего, о ряде «фактов экономического вредительства»⁴.

Принципиальную важность терминологической новации неоднократно подчеркивал И.В. Сталин. Так, в апреле 1929 г., выступая на июльском пленуме ЦК партии, он заявил: «Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма»⁵.

В итоге эмоциональная терминологическая характеристика обрела и юридический статус. Так, Центральный исполнительный комитет СССР принял 14 марта 1933 г. постановление «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты»⁶.

Характеризовалась политическая ситуация в связи с уже завершившимися и продолжавшимися судебными процессами. Так, отмечено:

За последнее время обнаружены факты участия в контрреволюционной вредительской деятельности некоторых государственных служащих, особенно обязанных по своему положению и предоставленным им правам проявлять к рабоче-крестьянскому государству честное и добросовестное отношение.

Далее характеризовались ранее принятые решения. Указано, что еще 15 ноября 1923 г. постановлением ЦИК СССР было делегировано Объединенному государственному политическому управлению право рассмотрения на судебных коллегиях «дел по диверсиям, поджогам, взрывам, порче машинных установок государственных предприятий и по прочим видам вредительства...».

⁴ Заседания объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 6–11 апреля 1928 г. // Правда. 1928. 18 апр.

⁵ Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 14.

⁶ Постановление ВЦИК от 14 марта 1933 г. «Об ответственности служащих в государственных учреждениях и предприятиях за вредительские акты» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3873.htm (дата обращения 26 июля 2021).

Вышеупомянутые судебные коллегии ОГПУ были, по сути, внесудебными инстанциями. Там рассмотрение следственных дел шло ускоренно, при игнорировании предусмотренных даже советским законодательством норм судопроизводства, например права обвиняемого на защиту. Приговоры – вплоть до расстрела.

В 1933 г. ЦИК СССР вообще снял ограничения. ОГПУ предписывалось относиться с особой строгостью к служащим государственных предприятий и учреждений, если подсудимые были признаны уличенными в совершении преступлений, относящихся к различным «видам вредительства».

Значит, расстрел – уже не исключительная санкция в подобных случаях. Примечательна же в данном случае ссылка на Постановление ЦИК Союза ССР от 15 ноября 1923 г. Она заведомо ложная, потому что упоминаний о «вредительстве» нет в этом документе – Положении об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах⁷.

В этом документе характеризовалась новая институция, которой были подчинены ранее созданные – региональные. Так, отмечено, что «в целях объединения революционных усилий республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом, учреждается при Совете народных комиссаров Союза ССР. Объединенное государственное политическое управление (сокращенно ОГПУ)».

Можно сказать, задним числом в этот документ вчитан термин «вредительство». Осенью 1923 г. он еще не использовался, официальным был другой – «экономическая контрреволюция».

Действующим тогда был УК РСФСР в редакции 1922 г. Его статьи содержали описания некоторых преступлений, охватываемых понятием «экономическая контрреволюция».

Относительно конкретизирована, к примеру, формулировка статьи 63. Предусматривалась ответственность за участие «в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений или предприятий, или использующей таковые в тех же целях...».

Еще более жестко формулировалась статья 65. Преступные деяния там перечислены:

Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорож-

⁷ Положение об Объединенном государственном политическом управлении СССР и его органах [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38145#Y8NMMMeSIY5XmVtnE> (дата обращения 26 июля 2021).

ных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений...

Термин «вредительство» не был востребован. Показательно, что нет и статьи о нем в трехтомной Энциклопедии государства и права, наиболее авторитетном тогда справочном издании, а также учебном пособии. Публикацию Издательство Коммунистической академии начало в 1924 г. и завершило через пять лет. Главный редактор – П.И. Стучка, председатель Верховного суда РСФСР⁸.

Уместно подчеркнуть: советская правовая система менялась тогда очень быстро, чем и обуславливались частые изменения в области юридической терминологии. За ними бдительно следили редакторы и составители Энциклопедии государства и права, внося в каждый том обязательные и порою весьма пространные добавления, относившиеся к очередным новациям [Фельдман 2015, с. 110].

В начале 1928 г. завершилась подготовка к публикации третьего – последнего – тома Энциклопедии государства и права. Но термин «вредительство» не упомянут ни в одной из многочисленных статей. Значит, составители и редакторы еще не видели надобности в нем.

Однако вскоре надобность возникла. Проблема оказалась настолько важной, что в 1933 г. законодателям пришлось – на уровне документации ЦИК СССР – имитировать традиционность употребления термина «вредительство». Создавать иллюзию, будто он считался общепринятым и на десять лет раньше.

Подобного рода манипуляции с юридическими терминами уже давно использовались советскими идеологами. Они постоянно интерпретировали терминологические новации как следование традициям. В 1933 г. лишь применен испытанный прием.

Еще через двадцать лет пропагандистские кампании, проводившиеся в связи с так называемыми вредительскими процессами, стали повседневностью сталинской эпохи. Соответственно вышеупомянутые терминологические новации воспринимались уже в качестве нормы. Их псевдоисторию, т. е. пропагандистский вариант осмысления истории, отражали справочные издания. Например, изданный летом 1953 г. Юридический словарь⁹.

⁸ Энциклопедия государства и права / Под ред. П.И. Стучки. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925. Т. 1.

⁹ Далее цит. по: Юридический словарь. М.: Гос. изд-во юр. лит., 1953. С. 90–91.

Там дано подробное описание термина. Постулировалось, что «вредительство» –

...подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях, путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций...

Далее приведена ссылка на пункт 7 статьи 58 УК РСФСР в редакции 1926 г. Затем излагалась псевдоистория термина. «Вредительство», если верить статье в Большой советской энциклопедии,

...является одной из опаснейших форм классового сопротивления врагов народа. После окончания гражданской войны и перехода Советского государства на мирную работу по восстановлению народного хозяйства классовые враги с целью реставрации капитализма в нашей стране перешли к скрытым формам борьбы с Советской властью.

Традиционно определена цель «вредительства» – вернуть досоветское прошлое, т. е. ликвидировать советский режим. Если верить статье, «вредители» постоянно «меняли формы и методы своей деятельности в связи с изменениями политической и хозяйственной обстановки в нашей стране».

Речь шла также о финансировании «вредителей». Причем не только бывших, но и сущих, и будущих: «Рост сил демократии и социализма ведет не к ослаблению, а к усилению сопротивления старого капиталистического мира. Коммунистическая партия учит никогда не забывать, что, пока существует капиталистическое окружение, сохраняется опасность В[редительства], организуемого разведками буржуазных государств».

Есть в статье и собственно юридические сведения. Так, отмечено, что различаются

...два вида В[редительства]: 1) подрыв государственной промышленности, транспорта и т. д., совершенный путем соответствующего использования государственных и общественных учреждений и предприятий или путем противодействия их нормальной деятельности; 2) использование государственных и общественных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершенные в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций.

Правда, внесено немаловажное уточнение, относящееся к деятельности «вредителей». Указано, что они могут действовать «в любой отрасли социалистического строительства, а не только в области социалистической экономики (напр[имер], В[редительство] на идеологическом фронте и др.)».

Вывод сам собою подразумевался: смертная казнь «вредителей» все еще уместна. Более того, приведена ссылка на соответствующее постановление ЦИК СССР, где указано, «что по делам о В[редительстве] обвинительное заключение вручается обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде и приговор кассационному обжалованию не подлежит».

Следовало отсюда, что обвиняемый заведомо лишен возможности защищаться. Обвинительное заключение было и приговором «вредителю», причем окончательным.

Итоговая правка в материалы Юридического словаря внесена уже после официального извещения о смерти Сталина 5 марта 1953 г., но принципиальных изменений, конечно, не было и в июле, когда типография получила для печати все материалы, неоднократно проверенные редакторами и цензорами. Этим изданием вполне отражена терминологическая специфика эпохи – сталинской.

Варианты реноваций

На официальном уровне отношение к умершему лидеру не менялось в течение почти трех лет. Как известно, многие современники были убеждены, что сталинский авторитет по-прежнему незыблем и таковым останется.

Однако изменения уже готовились, в том числе и терминологические. Подготовка велась медленно, исподволь, потому что планируемые терминологические новации с необходимостью подразумевали не только новые идеологические установки, но и отказ от некоторых прежних [Фельдман 2015, с. 15].

Как известно, итоги подвел в феврале 1956 г. Н.С. Хрущев – на закрытом заседании XX съезда КПСС. Можно сказать, был сенсационным доклад «О культе личности и его последствиях».

Как преступника характеризовал Сталина его преемник в должности первого секретаря Президиума ЦК партии. Но хрущевский доклад был тогда признан секретным, и лишь тридцать три года спустя он полностью опубликован в СССР¹⁰.

¹⁰ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

Зато Хрущев уже в марте 1956 г. добился, чтобы сенсационный текст был оглашен на открытых партийных собраниях едва ли не всех учреждений и предприятий страны. Для этого из ЦК КПСС экземпляры доклада были разосланы в соответствующие региональные организации, там руководителям следовало назначить так называемых читчиков, а после оглашения – вернуть полученные материалы отправителю [Фельдман 2015, с. 15].

Само заглавие доклада обозначало новую периодизацию советской истории. Указывались три периода.

Первый был соотнесен с деятельностью основателя советского государства – В.И. Ленина. Что и подразумевало своего рода мифологизацию, полное соответствие базовым идеологическим установкам.

Второй период, названный «культом личности», был соотнесен с деятельностью Сталина. Ему и приписывалось отступление от некогда установленных Лениным норм, что, согласно докладу первого секретаря президиума ЦК КПСС, обусловило аресты, осуждение и гибель множества ни в чем не повинных граждан. Указанные последствия Хрущев терминологически характеризовал как «репрессии».

Третий период был соотнесен с деятельностью Хрущева и его окружения. Она характеризовалась как возвращение к нормам, установленным Лениным, исправление ошибок, допущенных Сталиным. Терминологическое определение – «коллективное руководство».

Хрущевым указаны и хронологические границы негативно характеризуемой деятельности предшественника: от декабря 1934 г. до смерти Сталина. Разумеется, полемика с такой интерпретацией была в СССР исключена.

Неважно в данном случае, почему для обозначения первой хронологической границы периода «культа личности» Хрущев выбрал именно декабрь 1934 г. Важно, что термин «вредительство» стал обиходным на шестнадцать лет раньше.

Значит, политическая оценка «Дела Промпартии», а также «Шахтинского» пересмотру не подлежала. Вот и не стали оба процесса своего рода символами беззакония. Согласно хрущевскому докладу, не было на исходе 1920-х гг. «культа личности».

Характерно, что после XX съезда партии была отнесена к одиозным символам беззакония вся статья 58 УК РСФСР в редакции 1926 г. Началась подготовка новых законодательных документов.

Одним из конкретных итогов стал новый УК РСФСР – в редакции 1960 г. Там уже нет термина «контрреволюция»,

а также произведенных от него. Содержание одиозной «пятьдесят восьмой» распределено по другим статьям¹¹.

Например, пунктом 9 статьи 58 сталинского УК РСФСР предусматривалась ответственность за деяния, в обиходе характеризующие термином «диверсия». Перечислены были некоторые из них:

Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений...

В хрущевском УК РСФСР эта норма права отражена статьей 68 – «Диверсия». Формулировка несколько изменена:

Разрушение или повреждение взрывом, поджогом или иным способом предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества, совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советского государства...

Изменения, а также дополнения непринципиальные. Самое интересное – замена одиозных «контрреволюционных целей» на «ослабление Советского государства».

Как в сталинскую эпоху, так и после нее квалификация деяния зависела от целеполагания субъекта, определялось же оно произволом следствия. Даже «массовые отравления» – не диверсия, если совершившим их лицом не ставилась цель «ослабления Советского государства». Ну а если таковая, по решению следователя, была поставлена, так любые действия можно считать диверсионными.

Содержание же пункта 7 одиозной «пятьдесят восьмой» отражено статьей 69 хрущевского УК – «Вредительство». Формулировка тоже несколько изменена, сообразно новым пропагандистским установкам:

Действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путем

¹¹ Закон от 27 октября 1960 г. «Об утверждении уголовного кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения 26 июля 2021).

использования государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций либо путем противодействия их нормальной работе...

На уровне правоприменения не было нужды в такой статье хрущевского УК. Все, что в ней оговорено, соотносилось с термином «диверсия», понятие же «экономическая контрреволюция» утратило актуальность.

Термин «вредительство» появился в хрущевском УК, можно сказать, по инерции. Своего рода строительным материалом нового законодательства стало прежнее, вот и пункт 7 одиозной «пятьдесят восьмой статьи» был переформулирован.

Юристы, которым было предписано обозначать принципиальные отличия прежних норм права от новых, с такой задачей справились лишь отчасти. Потому что их профессиональный терминологический инструментарий формировался в сталинскую эпоху, а другим они не владели.

УК РСФСР в редакции 1960 г. все же считался значительно смягченным. Таков был официально признанный результат. Неофициально же – вне средств массовой информации – период деятельности Хрущева в должности первого секретаря Президиума ЦК партии многие соотечественники характеризовали термином «оттепель»¹².

Правда, вне СССР популярной стала другая терминологическая характеристика. Для ее создания был модифицирован использовавшийся применительно к западногерманским и австрийским реформам термин «денацификация» [Кун 2017, с. 161–176].

Характеризовал он негативную оценку идеологии нацистской Германии, почему и воспринимался как эмоционально окрашенный. Этим и был удобен. На его основе создан прогнозирувавший соответствующие ассоциации функциональный аналог – «десталинизация»¹³.

Как известно, осенью 1964 г. должность первого секретаря Президиума ЦК партии занял Л.И. Брежнев. С его приходом, согласно мнению ряда историков, начался период, характеризующийся термином «ресталинизация»¹⁴.

¹² См., напр.: *Алексеева Л., Голдберг П.* Поколение оттепели. М.: Захаров, 2006. 429 с.

¹³ См., напр.: *Гефтер М.* Десталинизация // Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 394–401.

¹⁴ См., напр.: *Абрамович И.Л.* Воспоминания и взгляды. М.: Крук-Престиж, 2004. Т. 1. С. 276.

Спорна уместность подобного рода характеристик. Бесспорно же, что хрущевская политика дискредитации Сталина прекращена Брежневым. Это исключило вероятность переоценки так называемых вредительских процессов рубежа 1920–1930-х гг.

Зато терминологические новации хрущевской эпохи были учтены безоговорочно. Согласно третьему, уже брежневскому изданию Большой советской энциклопедии, «вредительство» –

...особо опасное государственное преступление, состоящее в действии или бездействии, направленном к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства СССР, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если такое действие или бездействие совершено путём использования государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций либо путём противодействия их нормальной работе¹⁵.

Отличие от формулировок сталинской эпохи, как отмечалось выше, – отсутствие упоминаний о контрреволюционном целеполагании. Зато введен функциональный аналог:

Обязательным условием привлечения к ответственности за В[редительство] является наличие в действиях виновного специальной цели – ослабления Советского государства...

Далее приведена ссылка на действовавший тогда УК РСФСР в редакции 1960 г. Характеристика термина «вредительство» отсюда и заимствована, точнее, пересказана близко к тексту. Контекст же был прежний – сталинский. По мнению ряда историков, лишь в 1985 г., когда ЦК КПСС возглавил М.С. Горбачев, начался очередной этап «десталинизации».

Горбачев и заявил, что стране требуется окончательно преодолеть «культ личности». Соответственно 28 сентября 1987 г. была создана комиссия Политбюро ЦК партии, которой надлежало изучить документы сталинской эпохи, относившиеся к действиям, официально именуемым «репрессиями».

Новый документ терминологически воспроизводил прежние, инициированные хрущевским докладом на XX съезде КПСС. Именно там впервые соотнесены негативно окрашенные термины

¹⁵ Здесь и далее цит. по: *Курляндский В.И.* Вредительство // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 429.

«культ личности» и «репрессии». Оба, конечно же, не были новыми даже к 1956 г., их новизна тогда заключалась в характере политической интерпретации [Фельдман 2015, с. 9].

Хронологические границы следственных и судебных материалов, подлежащих новому рассмотрению, Горбачевым несколько расширены – по сравнению с теми, что определил Хрущев. Речь шла уже о «периоде 1930–1940-х и начала 50-х гг.».

В новые хронологические границы уже могло бы попасть «Дело Промпартии», а «Шахтинское» – еще нет. Однако начало было положено.

Далее ситуация менялась стремительно. Горбачев, избранный президентом СССР, издал указ, где хронологические рамки переоценки следственных и судебных дел сталинской эпохи вновь расширены: на этот раз шла речь и о 1920-х гг.¹⁶

Но к моменту публикации указа почти все цензурные ограничения были отменены, и советские издательские организации уже перепечатывали изданные за границей сочинения А.И. Солженицына, затем дошла очередь до книг и статей А.Г. Авторханова. Оба автора исследовали материалы так называемых вредительских процессов рубежа 1920–1930-х гг.

Публицистическая компонента, разумеется, доминирует в этих исследованиях. Впрочем, авторы и не скрывали это. Наоборот, подчеркивали, что полемизируют с официальной советской историографией.

Только после распада СССР пришло время для вполне академических исследований. Была в них и публицистическая компонента, правда, уже не доминирующая.

Результаты прогнозировались. УК Российской Федерации, принятый в июне 1996 г., не содержал термина «вредительство»¹⁷.

Он и раньше не был нужен – за отсутствием функциональности. Его, как выше отмечено, дублировала в хрущевском УК статья 68 – «Диверсия».

В постсоветском УК это статья 281. Определение термина «диверсия» несколько изменено, однако изменения не принципиальны: «Совершение взрыва, поджога или иных дей-

¹⁶ Указ от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_17017.htm (дата обращения 26 июля 2021).

¹⁷ Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (дата обращения 26 июля 2021).

ствий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации...».

Понятно, что к 1996 г. стараниями историков и публицистов термин «вредительство» стал одиозным символом беззакония. Как на сорок лет раньше – вся печально знаменитая «пятьдесят восьмая статья».

Тезаурус произвола

Историки и ныне спорят о прагматике так называемых вредительских процессов рубежа 1920–1930-х гг. Безоговорочно отвергается лишь аргументация советских пропагандистов. Объект научного анализа – факторы, обусловившие сталинское решение инициировать масштабные следственно-судебные фальсификации, начиная от «Шахтинского дела».

Рассмотрены были действительно важные факторы: с осени 1927 г. уже шла негласная, но интенсивная подготовка к так называемому свертыванию нэпа, постепенно ликвидировались созданные иностранными предпринимателями концессии, что обусловило заметный регресс экономики, бюджет же требовался большой, нежели прежний, соответственно доходы рабочих падали, участились аварии на предприятиях, аналогично и стачки, а в сельской местности росло недовольство населения увеличивавшимися нормами хлебозаготовок при уменьшившейся тогда урожайности; наконец, усложнилась внешнеполитическая ситуация. Все это, по мнению ряда историков, побудило Сталина интерпретировать негативные последствия внутренней политики как результаты «вредительства» – организованной извне враждебной деятельности «буржуазной интеллигенции».

Обоснованные тщательным анализом многочисленных источников суждения историков вполне убедительны. Однако не следует из них, что термин «вредительство» понадобился для подготовки и проведения хотя бы «Шахтинского дела».

Можно отметить, что правоприменителям вполне хватало уже существовавшего инструментария. Новации тут не меняли ничего.

Терминологически произвол не ограничивался с момента возникновения Советского государства. Наоборот, все прежние законодательные установления были отменены еще на исходе 1917 г.¹⁸

¹⁸ Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: <http://www.consultant.ru/cons/>

Какие-либо ограничения не предусматривались и «Руководящими началами по уголовному праву РСФСР». Этот документ введен в действие постановлением Народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г.¹⁹

Возможность максимально широкой интерпретации была предусмотрена заранее. Статья 5 гласила: «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом».

Налицо в данном случае терминологическая новация. Согласно международной традиции, преступление определялось как нарушение закона – кодифицированной нормы права, запрещавшей или предписывавшей вполне определенные действия в конкретных обстоятельствах. К примеру, запрещалось тайное хищение чужого имущества, т. е. кража, а предписывалась уплата налогов. Про упомянутый «порядок общественных отношений» речи не было – критерий, мягко говоря, абстрактный.

Базовое советское определение, казалось бы, конкретизировалось в статье 6. Она гласила:

Преступление как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками).

Уместно подчеркнуть вновь: слова «закон» вообще нет в первом советском определении термина «преступление». Это случай уникальный – тогда.

Случайности тут не было. Если досоветские законы отменены, правоприменителям надлежало руководствоваться правительственными декретами и «революционным правосознанием».

Но связь с традицией все же обозначена. Так, «преступление» характеризуется как «действие или бездействие», это и подразумевает обязательность того либо другого в конкретных обстоятельствах. Ну а термин «закон» постольку из определения исключен, поскольку именно правоприменителям были даны полномочия решать, что и когда обязательно.

Цитируемое постановление, вводившее в действие «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», визировал Стучка.

[cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4029#DwU2NeSQkUnAzlfj1](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4029#DwU2NeSQkUnAzlfj1) (дата обращения 26 июля 2021).

¹⁹ Постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#ygz2NeSYyibZg0er> (дата обращения 26 июля 2021).

В ту пору – замнаркома юстиции. Он, кстати, получил диплом юридического факультета Санкт-Петербургского университета в 1888 г.

Дипломированный правовед Стучка был и среди участников подготовки УК РСФСР в редакции 1922 г. Документ этот, как предписывала традиция, разделен на Общую и Особенную части.

Общая часть содержала теоретические положения. Включая и определения базовых понятий советского уголовного права. Особенная часть – описание санкций.

Уместно отметить, что определения базовых юридических терминов, которые в 1919 г. формулировал Стучка, использовались с непринципиальными изменениями. Например, статья 6 гласила:

Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

Смысл такой характеристики, как «общественно опасное», был опять неочевиден. Пояснение дано в статье 7:

Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку.

Яснее, однако, не стало. Сказанное в статье 7 относится к «лицу», т. е. субъекту «деятельности», тогда как само «общественно опасное действие или бездействие» не характеризуется.

Осталось также без объяснений, что надлежит признавать «вредным для общества». Аналогично – какого рода «деятельность» можно признать «свидетельствующей об угрозе общественному правопорядку».

Это продуманная невнятность. Прагматика – максимально расширить область интерпретаций, чтобы не стеснять инициативы правоприменителей.

Особенная часть начиналась статьей 57. Она гласила:

Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма

коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами.

Составители УК не пояснили, как следует понимать оборот «действия в направлении помощи». Значит, произвол советских правоприменителей был ограничен лишь соображениями политической целесообразности – в каждом из конкретных случаев привлечения к ответственности.

Нигилистическое отношение к базовым понятиям уголовного права отразила и новая редакция основополагающего для правоприменителей документа, принятого в 1926 г. Он тоже был разделен на Общую и Особенную части. Статья 1 гласила:

Уголовное законодательство РСФСР имеет задачей охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий (преступлений)...

Термин «преступление» и здесь определен посредством риторической уловки – ссылкой на критерий, описанный с продуманной невинностью. Статья 6 гласила: «Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Составители опять не включили понятие «закон» в определение термина «преступление». Это уже традиция. Логические огрехи не принимались во внимание: главное – целесообразность, а не логика.

Особенная часть начиналась статьей 58. Ее пункт 1 – общая характеристика так называемых контрреволюционных преступлений. С непринципиальными стилистическими изменениями она повторяла ту, что была предложена предыдущей редакцией УК РСФСР.

В остальных пунктах детализированы характеристики преступных деяний. Квалификация их в качестве контрреволюционных обуславливалась установлением соответствующей цели в каждом случае.

Впрочем, безграничное определение контрреволюционного целеполагания, предложенное в пункте 1 той же статьи, позволяло отнести к преступлениям все, что таковыми сочли бы правоприменители. От их произвола обвиняемый не был защищен.

Казалось бы, при таком юридическом инструментарии не было к 1928 г. надобности в термине «вредительство». Но тогда он и введен в оборот.

Функции новаций

Термин «вредительство» не фиксировали досоветские справочные издания. Причины очевидны: не использовался он в устной речи и письменных источниках.

Издавна фиксировалось существительное «вред». Оно было образовано от церковнославянского «веред» – «нарыв, язва».

Статью об этом понятии содержит изданная в 1789 г. первая часть Словаря Академии российской. Там и дано определение: «Повреждение, порча, урон, убыток; все, что целость чего нарушает...»²⁰.

Пояснено и прилагательное «вредительный». О нем сказано: «Могущий, способный вредить; склонный к вреждению...»²¹.

Есть и существительное «вредитель». Значение – тот, кто «вред, зло, беду кому или чему причиняет, наносит...»²².

Понятно, что политических коннотаций тогда не было. Характеристика общая, абстрактная.

Составленный В.И. Далем Толковый словарь живого великорусского языка, издававшийся в 1863–1866 гг., содержит более подробные сведения о словоупотреблении. Так, сказано:

Вредительный, вредный, вредоносный или вредотворный, вредящий, наносящий вред, могущий чему вредить. Вредительность, вредность, вредоносность, вредотворность, сила, свойство, качество, мочь вредного, сила делать, чинить вред²³.

Пояснено Далем и слово «вредитель». Значение – «вредоносный человек»²⁴.

Характерно, что в конце XIX в. слово «вредитель» – характеристика насекомых и прочих существ, чья жизнедеятельность наносит ущерб человеку, сельскому хозяйству и лесоводству. Термин, обиходный в научной литературе.

Пространную статью о такого рода «вредителях» содержит опубликованный в начале 1929 г. тринадцатый том первого издания Большой советской энциклопедии. Но там не упоминаются случаи нанесения ущерба советской промышленности²⁵.

²⁰ Словарь Академии Российской. Часть 1. От А до Г. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1789. С. 916.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд. общества любителей российской словесности, 1863. С. 230.

²⁴ Там же.

²⁵ Большая советская энциклопедия / Под ред. О.Ю. Шмидта. М.: Советская энциклопедия, 1929. С. 419–438.

Отсутствие таких упоминаний объяснимо. Редактура тома завершилась в начале 1928 г., а тогда составители и редакторы еще не получили сведения о готовящихся судебных процессах.

В январе 1929 г. завершена редакция второго тома первого издания Малой советской энциклопедии. Есть и там статья «Вредители», где характеризуются

различные животные (насекомые, клещи, черви, моллюски, млекопитающие-грызуны и хищники, птицы и т. д.), причиняющие вред сельскому или лесному хозяйству и их продуктам²⁶.

Но в этом же томе помещена статья «Вредительство». Она предельно краткая: маркированным термином характеризуются

...действия, направленные на подрыв хозяйственного благополучия Советских республик, один из способов, к которому прибегает экономическая контрреволюция. См. *Контрреволюционные преступления*²⁷.

Статья о понятии «контрреволюционные преступления», на которую дана ссылка, помещена в четвертом томе Малой советской энциклопедии. Его редакция завершена в сентябре 1929 г.

Но риторической уловкой было предложение обратиться к этой статье за дополнительными сведениями о термине «вредительство». Их там нет, да и сам он даже не упомянут. Приведена лишь характеристика понятия «экономическая контрреволюция»:

...контреволюц[ионный] подрыв пром[ышленности], транспорта, торговли, ден[ежного] обращения или кредитной системы, кооперации, использование гос[ударственных] учреждений в интересах б[ывших] собственников или капиталистич[еских] организаций²⁸.

Риторическая уловка оказалась необходимой, когда «вредительство» стало постоянной темой пропагандистских кампаний, игнорировать которые не могла редакция. Но поскольку так и не появились официальные документы с характеристикой юридических функций термина, постольку и пришлось ограничиться предельно кратким его пояснением и ссылкой на другую статью, где подробностей тоже не было. Прием вполне обычный тогда.

Другой вопрос – зачем же Сталину понадобилось дополнить нефункциональным термином советский юридический тезаурус, в аспекте произвола вполне функциональный. Причины выявля-

²⁶ Малая советская энциклопедия / Под ред. Н.Л. Мещерякова. М.: Советская энциклопедия, 1929. Т. 2. С. 302–304.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

ются при анализе специфического контекста внутрипартийной борьбы.

Генеральный секретарь ЦК партии решал не только задачу пропагандистской интерпретации надвигавшегося экономического кризиса. Не менее, даже гораздо более важной была другая – удержание политических конкурентов, актуальных и потенциальных. На исходе 1927 г. оставалось совсем немного до окончательной победы.

Как известно, 14 ноября 1927 г. исключен из партии Л.Д. Троцкий, именовавший себя вождем левой оппозиции. Он был сослан; аналогично и тысячи его сторонников, не отрекшихся от лидера, тоже лишились партбилетов и отправились в ссылки.

Характеризующий оппозиционеров термин выбрал сам Троцкий. Подразумевалось традиционное противопоставление «левых» в качестве радикалов, истинных революционеров – консервативным «правым».

Этим и воспользовался Сталин, контролировавший уже все средства массовой информации. Троцкому был инкриминирован неуместный в условиях мира радикализм, стремление к войне ради «мировой революции».

Генсека же и его союзников пропагандисты характеризовали именно как сторонников мирного развития страны. Нэп – своего рода символ отказа от уже неуместного радикализма, ассоциируемого с «левой оппозицией» и ее дискредитируемым лидером.

Союзниками генсека в борьбе с главным его конкурентом стали Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев. Но к 1927 г. оба тоже дискредитированы и отстранены от власти как примкнувшие к оппозиционерам.

На этом немаловажном этапе внутрипартийной конкуренции союзником генсека стал Н.И. Бухарин. Он и считался «идеологом нэпа».

Продолжение такой политики, декретированной в 1921 г., диктовалось соображениями экономической целесообразности, а политической – исключалось. Сама идея финансовой независимости от советского правительства хотя бы части населения, предпринимателей ли, крестьян ли, противоречила ленинско-сталинской доктрине социализма.

Одолов своих недавних союзников и отправив Троцкого в ссылку, генсек объявил Бухарина лидером оппортунистов, мешающих построению социалистического общества. Им всем инкриминировалось отстаивание прежней экономической политики, которую сталинские пропагандисты характеризовали как изжившую себя, полезную лишь так называемому капиталистическому окружению страны. Что и эмблематизировал термин «правая оппозиция».

Ударом по авторитету Бухарина стало «Шахтинское дело». Согласно утверждениям пропагандистов, создание преступного сообщества оказалось возможным из-за влияния «правой оппозиции», все еще противящейся «свертыванию нэпа».

На пленуме ЦК партии в июле 1928 г. Сталин объявил, что по мере построения социализма не уменьшается, а растет сопротивление врагов советского режима. Коль так, борьба с ними будет все более ожесточенной²⁹.

Выступая на пленуме ЦК партии в апреле 1929 г., Сталин утверждал, что борьба отнюдь не завершена. Ссылаясь опять на эталонный судебный процесс: «“Шахтинцы” сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены»³⁰.

Бухарин и его сторонники вновь были объявлены пособниками «вредителей». Соответственно из партии надлежало «изгнать правых уклонистов»³¹.

К своему пятидесятилетию в декабре 1929 г. Сталин одолел и Бухарина. Тот, лишенный всех прежних должностей, публично заявил о своих ошибках.

В итоге термин «вредители», метафорически соотнесенный с фигурантами «Шахтинского дела» и аналогичных процессов, экстраполирован был на «правую оппозицию». Затем «вредительство» инкриминировали всем, кого характеризовали как «уклонистов» любого толка.

На уровне пропаганды это вполне целесообразно. Ссылки на обязательность так называемой партийной демократии можно было считать утратившими актуальность, если постулировалось, что «уклонисты» постольку опасны, поскольку они – «вредители».

Такую интерпретацию фиксировал и цитированный выше «Юридический словарь», что был подготовлен к печати незадолго до смерти Сталина. Постулировалось: «Беспринципной и безыдейной бандой вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, действующих по найму буржуазных разведок, являлась троцкистско-бухаринская банда».

С учетом раннесталинских дефиниций, термин монструозный. «Банда» – «лево-правая».

Но в данном случае неважно, что по ходу сталинской интриги Троцкий и Бухарин оказались противниками. Им полагалось быть

²⁹ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в июле 1928 г. // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 708–785.

³⁰ Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 14.

³¹ Там же. С. 2–36.

союзниками на уровне псевдоисторического осмысления внутрипартийной конкуренции. Сначала пропагандисты объединили по критерию оппозиционности «левых» и «правых», а следующий шаг – объединение в качестве «вредителей».

Фундамент новостроек

Вне зависимости от функций каждого из показательных судебных процессов термины «вредители» и «вредительство» использовались до конца сталинской эпохи. Они напоминали об уже достигнутых целях – разгроме прежних оппонентов лидера партии. Актуальность подобного рода пропагандистских установок не подвергалась сомнениям.

При анализе же истории словоупотребления целесообразно применение несколько модифицированной методики Г. Фреге.

Так рассматриваются *значение* и *смысл* термина (см. рис. 1) [Фреге 2000, с. 230–247].

Значение – совокупность объектов, охватываемых термином. Смысл же соответственно – их дифференциальные признаки, выявление которых и позволяет определить прагматику словоупотребления в каждом случае.

Рис. 1

Так в досоветскую эпоху (см. рис. 2).

Рис. 2

После судебных процессов 1928–1930 гг. (см. рис. 3).

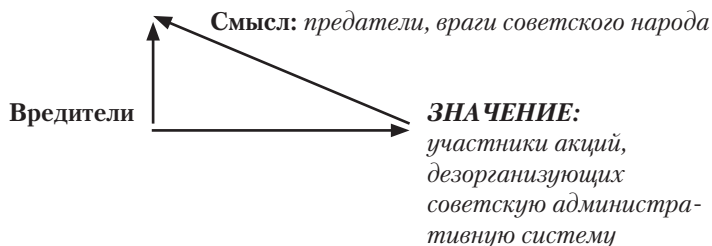

Рис. 3

Значение же и смысл термина «вредительство» неизменны (см. рис. 4).

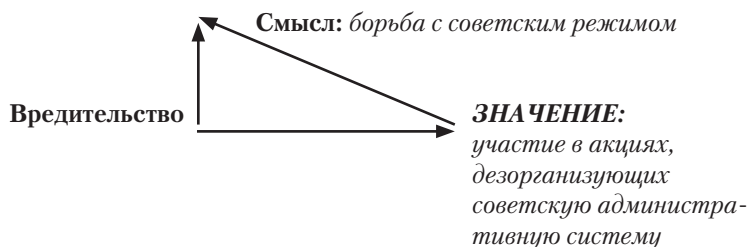

Рис. 4

Стоит вновь подчеркнуть: в сталинскую эпоху термины «вредители» и «вредительство» лишь формально получили юридический статус. Обычно их не использовали в судебных решениях, там – ссылка на пункт 7 статьи 58.

Впрочем, для описания *смысла* каждого из рассматриваемых терминов можно применить и дефиниции сталинской эпохи. Тогда «вредительство» – одно из «контрреволюционных преступлений», а «вредители» – соответственно «контрреволюционеры».

Но, как отмечено выше, из УК РСФСР в редакции 1960 г. были исключены все термины, относящиеся к понятию «контрреволюция». Они предсказуемо ассоциировались с одиозной «пятьдесят восьмой статьей».

Базовый термин хрущевского уголовного законодательства определен в статье 7. Она гласила:

Преступлением признается предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую

собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью настоящего Кодекса.

В новом определении тоже нет слова «закон». Советская традиция.

Но в хрущевскую эпоху уже неуместным оказалось демонстративное игнорирование международной юридической традиции. Вот почему соотнесение с термином «закон» было все же обозначено указанием на Особенную часть УК, где содержались определения конкретных преступлений.

Как отмечено выше, основоположники советского права использовали ссылку на «общественную опасность», чтобы изъять слово «закон» из определения термина «преступления». Составители же УК хрущевской эпохи, ссылаясь на Особенную часть, привели еще и ссылки на «общественную опасность». Тут и курьез возник.

Из нового определения с необходимостью следовало: преступны деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК, а те, что законодательством не предусматривались, – не преступления. Коль так, заведомо алогичным было все сказанное в статье 7 про «общественную опасность» и посягательства на чьи-либо права и/или «социалистический правопорядок».

Можно сказать, фундаментом новостроек, а также строительным материалом хрущевского законодательства было сталинское. Действовала своего рода инерция, ставшая непреодолимой.

Но если основоположники советского права, будучи юристами досоветской выучки, определяли базовые термины с продуманной невнятистью, оставляя простор для произвола, то их преемники в хрущевскую эпоху постольку формулировали невнятно, поскольку не умели иначе. Соответствующими речевыми навыками не владели.

Юристы хрущевской эпохи, создавая новые формулировки базовых понятий, лишь переформулировали прежние. В силу привычки уже не замечали утратившие функциональность уловки предшественников. Именно такие факторы и обусловили специфику нового УК РСФСР в редакции 1960 г., хоть там и обозначалась принципиальная дистанцированность от прежнего, сталинского.

Примечательно, что юристы постсоветской эпохи тоже пытались дистанцироваться от прежнего – советского – законодательства. Но отнюдь не лучше получилось, чем у предшественников: уровень речевой техники оказался еще ниже.

Характерный пример – статья 14 УК РФ в ныне утратившей силу редакции 1996 г. Формулировка курьезная: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»³².

Курьезность задана в первую очередь оборотом «виновно совершенное». Согласно международной юридической традиции, следствием, как предварительным, так и судебным, рассматривается вопрос о виновности нарушившего закон **лица**, а не **процедуры** некоего «совершения».

Вполне очевидна причина курьеза. Определение базового понятия нового уголовного законодательства составители заимствовали из предыдущего, хрущевского, а новации ради попытались в той же формулировке объяснить, кого можно или нельзя признать виновным.

Разумеется, проще было бы определить термин «преступление», используя слово «закон». Однако мешала все та же инерция. Потому в новый УК вошла характеристика «общественно-опасное», да и «преступлением» именовались по-прежнему «действие или бездействие».

Неудачными оказались буквально все терминологические новации. Таково и в ныне действующем УК РФ определение термина «диверсия», можно сказать, поглотившее уже одиозное понятие «вредительство». Статья 281 гласит:

Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации...³³

Здесь опять заметно влияние советской традиции: правовая квалификация вышеперечисленных деяний зависит от целеполагания лица, которому они инкриминированы. Отсюда следует: если правоприменители решили, что не ставились «цели подрыва», то не было и диверсии.

³² Статья 14 УК РФ. Понятие преступления [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43b57d6c014e99070854acf76d1627ac9a184239/ (дата обращения 26 июля 2021).

³³ Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант плюс. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/ (дата обращения 26 июля 2021).

Парадокс обусловлен невняtnостью определения термина. Формулировка все та же, сталинская, хоть и очередной раз модифицированная – применительно к пропагандистским установкам постсоветской эпохи.

Сталинское юридическое прошлое не ушло. Оно вновь настоящее.

Литература

- Евдошенко 2013 – *Евдошенко Ю.В.* Дело нефтяников-«вредителей» 1929–1931 гг. и судьбы нобелевских служащих в СССР. К вопросу о генезисе «экономической контрреволюции» // *Экономическая история. Ежегодник.* 2013. С. 331–389.
- Кислицын 1993 – *Кислицын С.А.* Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-н/Д.: Логос, 1993.
- Кун 2017 – *Кун Г.* Возвращение из преисподней. Денацификация послевоенной Германии // *Историк и художник.* 2017. № 2. С. 161–176.
- Фельдман 2015 – *Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2015.
- Фреге 2000 – *Фреге Г.* О смысле и значении // *Логика и логическая семантика.* М., 2000. С. 230–247.

References

- Evdoshenko, Yu.V. (2013) “The case of oilmen-‘saboteurs’ of the years 1929–1931 and the fate of Nobel employees in the USSR. Revisited of the genesis of the ‘economic counter-revolution’”, *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik* [Economic history. Yearbook], Moscow, Russia, pp. 331–389.
- Kislitsin, S.A. (1993), *Shakhtinskoe delo. Nachalo stalinskikh repressii protiv nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii v SSSR* [The Shakhty Trial. The beginning of Stalin’s repressions against the scientific and technical intelligentsia in the USSR], Logos, Rostov/Don, Russia.
- Kun, G. (2017), “Return from the underworld. Denazification of post-war Germany”, *Istoriik i khudozhnik*, no 2, pp. 161–176.
- Feldman, D.M. (2015), *Terminologiya vlasti. Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kulturnom kontekste* [Terminology of power. Soviet political terms in a historical and cultural context], FORUM: NEOLIT, Moscow, Russia.
- Frege, G. (2000), “About the sense and meaning”, *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics], Moscow, Russia, pp. 230–247.

Информация об авторах

Яна Е. Каневская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, miss.kanewskaya@yandex.ru

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, dmfeld@inbox.ru

Information about the authors

Yana E. Kanevskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; miss.kanewskaya@yandex.ru

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dmfeld@inbox.ru